

Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ корпусѣ.

(Изъ записокъ Стараго Помѣщика) ¹⁾.

Я уже говорилъ ранѣе въ своихъ запискахъ, что мой отецъ умеръ въ 30-мъ году, когда мнѣ не было еще и года, но не упомянулъ, что, умирая и благословляя меня, онъ сказалъ: будь военный и пролей кровь за Царя и Отечество. И этотъ завѣтъ его сталъ моею мечтою съ самаго ранняго дѣтства, почему когда въ 1837 г. моею матерью было получено изъ Петербурга увѣдомленіе, что я зачисленъ въ Александровскій малолѣтній въ Царскомъ Селѣ корпусъ, куда и требовалось меня доставить, я былъ въ восторгѣ и какъ теперь помню наше туда путешествіе. Старый помѣщичій возокъ былъ наполненъ перинами, подушками и пр., а важи наверху различнымъ платьемъ и другими вещами. Я съ матушкой и няней Марьей Михайловной Винокуровой помѣщались въ возкѣ, а на козлахъ съ ямщикомъ сидѣлъ нашъ старый лакей и, такимъ образомъ, отправляясь черезъ Пензу, Нижній и Москву, до Петербурга пришлось ѣхать по ухабамъ изъ Саратова цѣлый мѣсяць.

Въ Царскомъ Селѣ Александровскій малолѣтній корпусъ былъ такимъ чуднымъ заведеніемъ, которое въ настоящее время врядъ ли гдѣ-либо можно встрѣтить. Директоромъ корпуса въ то время былъ генераль-лейтенантъ Хатовъ, завѣдующій хозяйственной частью полковникъ Дихеусъ, а начальницей вдова генерала Кронъ. Тамъ было нѣсколько ротъ и взводъ малолѣтнихъ; каждой ротой и взводомъ завѣдывали особыя почетныя дамы, имѣя въ помощь нянекъ; кромѣ этого въ каждой ротѣ было по одному заслуженному, старому гвардейскому унтеръ-офицеру, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за выправкой и маршировкой кадетъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1909 г.

Всѣ мы были одѣты въ военную форму, не исключая и взвода малолѣтнихъ, гдѣ въ мое время были и такіе, на которыхъ нельзя было надѣть еще и штанишекъ, такъ какъ одинъ даже былъ на рукахъ у кормилицы.

Обращеніе съ нами въ этомъ корпусѣ, какъ равно и содержаніе насъ было удивительно по своей гуманности и царской щедрости.

Кромѣ класснаго ученія сообразно возрасту, насъ въ реакраціонномъ залѣ учили маршировкѣ и гимнастикѣ. И вотъ однажды въ это время къ намъ пріѣхалъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Великій Князь Михаилъ Павловичъ, человекъ пожилой, высокаго роста и сильнаго сложенія.

Мы выстроились по ротамъ, и онъ, обходя, спрашивалъ иногда фамиліи, особенно интересуясь тѣми, отцы которыхъ были убиты въ сраженіяхъ; подойдя же къ взводу малолѣтнихъ, онъ ласкалъ ихъ и даже нѣкоторыхъ бралъ на руки. Шутя и играя съ кадетами, онъ растянулся на полу и приказывалъ имъ поднять себя; малыши, конечно, не могли этого исполнить, несмотря на его настойчивость, но одинъ карапузъ нашелся и запустилъ ему въ мягкія части булавку, такъ что Великій Князь живо вскочилъ и, расцѣловавъ липута, далъ ему даже коробку конфетъ.

За время моего пребыванія въ Александровскомъ корпусѣ было два замѣчательныхъ случая помѣщенія туда дѣтей: первый случай—сына Шамяля; мальчуганъ этотъ интересовалъ насъ и своимъ происхожденіемъ и шрамомъ на рукѣ отъ полученной, по его словамъ, пулевой раны. Это былъ въ высшей степени живой и быстроглазый мальчикъ, но мало похожій на азіата. Второй случай—сына лѣсничаго, фамилію котораго я не припомню. Его родители жили одиноко въ глуши казеннаго лѣса и были ограблены и убиты разбойниками, которые дѣтей ихъ, этого мальчика и еще грудного ребенка, не тронули.

Пока эти сироты не были найдены, мальчикъ питался жалкими остатками пищи, а грудного ребенка подкладывалъ подъ собаку съ ея щенятами. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ помѣстить ихъ въ казенныя заведенія.

Затѣмъ въ началѣ 40-хъ годовъ я былъ переведенъ въ Павловскій корпусъ, о которомъ буду писать особо.

В. А. Шомпулевъ.

